

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПЕРЕД НЕРЧИНСКИМ МИРОМ 1689 г.

В. А. АЛЕКСАНДРОВ

Непосредственные экономические связи между Россией и восточными государствами — Джунгарией, Монголией и Китаем развивались с XVII в., когда с присоединением Сибири Россия устанавливала с ними общие границы.

Особый интерес представляет начало прямых торговых отношений между Россией и Китаем. Среди восточных соседей России Китай в XVII в. занимал важнейшее место по экономическому и политическому потенциалу. Вплоть до подписания Нерчинского мирного договора в 1689 г. напряженные политические отношения между обоими государствами, обострившиеся военными столкновениями (в 1650-х годах, в 1683—1689 гг.), долго препятствовали развитию взаимных непосредственных и систематических торговых сношений.

Русское правительство строгойше запрещало русским торговцам ездить в Китай без специальных грамот¹. Особенности политических взаимоотношений между Россией и Китаем способствовали развитию посреднической торговли, осуществляемой бухарскими купцами. «Торговые бухарцы» всячески привлекались в русские города, им предоставлялись таможенные льготы, а в отдельных случаях, чтобы их «не ожесточить» и им «повадно было ходить впредь», пошлины не взимались вовсе (например, в Красноярске)².

Однако было бы неверно думать, что русское купечество, развернувшее в Китае широкие экономические операции буквально сразу же после подписания Нерчинского договора, не было до этого знакомо с китайскими рынками. Сохранившиеся с XVII в. описания Китая и различные «дорожники» обязаны своим созданием не только членам официальных русских посольств в Китае, но и рядовым русским людям — торговцам, промышленникам и служилым людям; их практические знания и наблюдения использовались, например, при составлении карты Сибири тобольским воеводой П. Годуновым, черпавшим сведения о Китае «от знающих людей»³. Можно полагать, что дополнения тобольской редакции к «Книге Большому Чертежу», составленные в 1673 г., основывались на материалах далеко не одних русских посольских представительств. Важно

¹ См., напр., ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 9, лл. 12—24; по указу 1678 г. такие поездки запрещались под страхом конфискации всего товара (ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 6, лл. 85, 86.)

² Любопытно отметить, что митрополит Сибирский и Тобольский Павел, возбудивший перед правительством в 1685 г. дело об изоляции в Тобольске бухарцев от русского населения в связи с их «дерзким» поведением по отношению к православному культу, ничего не смог добиться. (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб., 354, д. 25: стб. 1017, ч. 1, лл. 120, 142, 143; стб. 1067, лл. 206, 207; стб. 1052, ч. 1, л. 176; Иркутская приказная изба, д. 69, лл. 26, 27.)

³ А. Н. Насонов. Неизвестные летописные памятники. «Проблемы источниковедения», сб. IV, стр. 280; С. О. Долгов. Ведомость о Китайской земле и глубокой Инден. «Памятники древней письменности и искусства», СХХХIII. 1899, стр. 14—35.

подчеркнуть, что в этом дополнении описаны все те пути в Китай, которыми пользовались много позже. Прежде всего очень подробно обрисован путь по Иртышу, мимо Ямыша-озера и далее через Джунгарию; отмечен путь через степи Северной Монголии и, наконец, через Нерчинск⁴.

По этим путям устанавливались непосредственные торговые связи с Китаем с середины XVII в.⁵ Официальные посольства в Китай не могли играть определяющей роли в развитии этих связей в силу крайней эпизодичности и ограниченности своих торговых оборотов. Б. Г. Курц определяет оборотный капитал казенного каравана Ф. Байкова в Пекин в 5000 руб.; И. Перфильев привез в 1662 г. товаров на 1057 руб.; только С. Аблин вывез в 1671 г. китайских товаров на 18 700 руб. Даже много позже, уже после подписания Нерчинского мирного договора, Избрантом было ввезено в Китай казенных товаров лишь на 4400 руб., а вывезено на 12 000 руб. (1693—1694 гг.)⁶. Этим по существу и ограничивалась деятельность казны в области развития русско-китайской торговли этого времени. Несравненно шире была деятельность частных русских торговцев.

К сожалению, о поездках русских торговцев в Китай можно судить только на основании отрывочных данных⁷. Тем не менее даже они позволяют думать, что необходимые предпосылки русско-китайской торговли были созданы усилиями частного купечества уже к 1680-м годам.

Стремясь обойти правительственное запрещение ездить в Китай, русские торговцы чаще всего старались попасть туда через Джунгарию. Наиболее часто использовался старый путь из Тобольска по Иртышу к Ямышу-озеру и далее через Джунгарию. Он был весьма опасен из-за постоянных нападений кочевников и часто становился совершенно недоступным, когда между отдельными феодальными владетелями начинались войны. Тем не менее по этому пути систематически поступали крупные партии китайских товаров или непосредственно в Тобольск, или на торжище к Ямышу-озеру. Эти операции осуществлялись джунгарами и бухарцами, а также русскими торговцами, служилыми и промышленными людьми. Известно, что с С. Аблиным в 1669—1671 гг. ходило в Китай двое тобольских посадских и 11 служилых людей, привезших, по нашим подсчетам, приблизительно на 1123 руб. китайских тканей и около 11 пудов чая и бадьяна⁸.

Помимо Тобольска покупка китайских товаров производилась и у Ямыша-озера. Ежегодно туда отправлялся по Иртышу сильный отряд служилых людей за солью⁹. Под охраной служилых людей к Ямышу-озеру приходил разнообразный торговый люд. Там бывали ярославские и устюжские торговцы, греки, представители гостей, в том числе О. Филатьева. Через монгольские и джунгарские степи к этому озеру подхо-

⁴ «Книга Большому Чертежу», М.—Л., 1950, стр. 187—188.

⁵ О наличии китайских товаров в довольно широком ассортименте на русских рынках этого времени свидетельствуют сообщения западноевропейских путешественников, посещавших Россию. Помимо различных китайских тканей, в быту московской знати к 1680 г. были распространены дорогие китайские безделушки, украшения, посуда (Н. А. Ба к л а н о в а. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. «Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия», М., 1928, стр. 80, 97, 99; Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 553, 554; М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I, ч. II, Иркутск, 1936).

⁶ Б. Г. Курц. Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII ст. «Новый Восток», кн. 23—24, М., 1928, стр. 333—336.

⁷ Никаких данных по интересующему нас вопросу не сохранилось и среди русских документов, хранившихся в архиве бывшего пекинского императорского дворца. См. «Архивные материалы на русском языке из бывшего пекинского императорского дворца», Бейпин, 1936.

⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 512, лл. 84—96.

⁹ См., напр., ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. 1, л. 319, стб. 720, л. 73—75; С. В. Ба х р у ш и н. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. «Научные труды», т. III, М., 1955, стр. 256, 270.

дили бухарские караваны. В оживленном торге принимала участие и казна. На выделанную кожу, меха, моржовую кость, предметы русского ремесла бухарцы и джунгары меняли среднеазиатские и китайские ткани, а также высокого качества селитру. В 1685 г. гость И. Чирьев выменял для казны на соболиные шкурки свыше 1700 пудов селитры. В 1689 г. для обмена на китайские ткани туда же было послано из Тобольска казенных товаров почти на 3 000 руб.¹⁰ От Ямыша-озера русские торговцы через джунгарские и монгольские степи стремились проникнуть в Китай. Некоторые из этих торговцев сами становились на путь посреднической торговли. Они обменивали свои товары у Ямыша-озера и вновь уходили в Джунгарию и далее на восток. В 1679—1687 гг. этим путем ходил в «Китай и орды» ссыльный поляк Павел Иванов. Осенью 1683 г. предприимчивые тобольские посадские люди вышли от Ямыша-озера с джунгарскими посланцами, к марту 1685 г. добрались до китайского города Шурги, а в октябре того же года вместе с бухарским караваном вернулись в Иркутск¹¹. В 1684 г. прибывший к озеру с отрядом служилых людей казачий голова А. Выходцев вопреки запрещению позволил торговым людям произвести торг с вышедшими из Китая греками и русскими торговцами, а затем отпустил в Китай еще двух торговцев. Сохранились сведения о любопытном эпизоде, который произошел у Ямыша-озера в следующем, 1685 г. На очередную службу туда приехал из Тобольска боярский сын Ф. Шульгин, с которым для «продажи и мены государевой казны» был отправлен бухарский купец Сеидаш Кулмаметев. Прибыв на место, они встретили караваны бухарских торговцев и «греченина царегородца» Дмитрия Константинова, вышедшего из Китая с товарами более чем на 4000 руб. Ф. Шульгин задержал предприимчивого грека, успешного с 1680 г. совершить два путешествия в Китай. Напуганные бухарцы прекратили торговлю, после чего между Шульгиным и торговыми и служилыми русскими людьми, не успевшими «исторговаться», началась распря. Шульгин препроводил Д. Константинова с его добром в Тобольск, но в результате челобитной Кулмаметева, посадского Пестрякова и служилых людей попал под сыск: в результате выяснилось, что сам Шульгин отпустил в Китай, Бухару и Джунгарию несколько десятков русских подданных — торговцев¹², служилых людей и т. п., причем значительную часть — самовольно¹³. Несколько позднее, в 1689 г., джунгарские и монгольские дипломатические представители также свидетельствовали о прибытии в ставку хун-гайджи Галдана русских торговых людей, часть которых с торгами отправлялась в Китай¹⁴. Все эти данные свидетельствуют, что путь в Китай через Джунгарию был не только хорошо известен в 1670—1680-х годах, но и часто использовался русскими торговцами, которые на свой страх и риск совершали эти путешествия скорее всего под видом восточных купцов.

С 1688 г. в связи с начавшейся джунгаро-монголо-манчжурской борьбой путь через Ямыш-озеро и Джунгарию оказался надолго закрытым. Однако много лет спустя, несмотря на открытый прямой путь в Китай через Нерчинск, некоторые русские и греческие торговцы, в том числе агенты гостей Филатьевых, возобновили старые связи с Китаем через Джунгарию, где в ставке Галдана они жили годами.

Помимо пути от Ямыша-озера в это же время использовались и другие пути, пролежавшие через северо-монгольские степи (Халху) и связанные с сибирскими путями

¹⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 354, д. 27, 28; стб. 720, лл. 153—159; стб. 1066, лл. 44, 45.

¹¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 355, ч. II, лл. 409—411; Иркутская приказная изба, д. 84, лл. 15—16, 46—52.

¹² Среди них был «человек» гостя О. Филатьева Г. Кадмак, важенин Андрей Крюков, торговавший в Китае после 1689 г., и др.

¹³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 354, д. 32, л. 79—84; стб. 935, лл. 1—8, 17—20, 37, 38, 42, 47, 50, 51, 56, 57. Участие «греченина» Константинова в китайских торгах нельзя считать случайным. Греческие торговцы, пользуясь благожелательным отношением русского правительства, достаточно часто проникали в Китай в рассматриваемое время. В частности, с посольством Спафария, помимо отпущенных греков Константина Иванова и Федора Павливанова, без ведома московских властей ходили в Китай греки Иван Юрьев, Спиридон Остафьев, Иван Андреев, Родион Павлов (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 325, лл. 48, 51—57, 72).

¹⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, лл. 62—88.

через Енисейск, Иркутск и Селенгинск. По предположению С. В. Бахрушина и К. В. Базилевича, этим путем впервые воспользовались русские купцы в 1674 г., когда в караване во главе с И. Поршенниковым прошло в Пекин через Селенгинск свыше сорока служилых и торговых людей и среди них приказчик гостя О. Филатьева, впоследствии сам крупный гость — Г. Никитин¹⁵.

Несмотря на отсутствие прямых указаний о более ранних путешествиях русских купцов этим путем, основываясь на некоторых косвенных данных, можно полагать, что такие путешествия имели место. На енисейском рынке китайские товары в широком ассортименте имелись еще в 1648—1649 гг.— бархат гладкий, атлас гладкий, камка лаудан, камка гайка большой и малой руки, камка леза, китайка добрая, средняя и малая¹⁶. Свидетельства русских торговых людей говорят о том, что к 1675 г. путь через Северную Монголию был уже хорошо известен. По этому пути в Китай намеревался следовать Спафарий и только после сообщения из Нерчинска о том, что мачжурские власти готовятся встретить его на пути от Аргуни, поехал через даурские отроги — на Еравнинские озера, Телембинский острог, Нерчинск и далее вдоль р. Аргуни до китайских пределов¹⁷. Спафарий отмечал, что на этой дороге «прежде сего никто не бывал»¹⁸. Это замечание вызывает недоумение. Путь от Байкала до Нерчинска через Еравну и Телембу был безусловно известным. Быть может, Спафарий хотел сказать, что по этому пути (через Нерчинск) впервые совершалось путешествие в Китай. В то же время он указывал на Селенгинск, как на наиболее удобное место для установления постоянного торга с Китаем через Монголию. «Китайское государство недалеко,— писал он,— ...а мунгалы кочуют везде кругом zelo много и торгуют с козаками: продают кони и верблюды, и скот, также и всякие китайские товары, а покупают у тех соболи и иные многие русские товары»¹⁹. Такое заключение он мог сделать только исходя из показаний людей, хорошо знакомых с местной обстановкой. Кроме того, будучи еще в Енисейске в 1675 г. Спафарий встретился там с недавно приехавшими из Китая русскими торговцами, которые рассказали ему, что в Пекине «торг их был zelo некорыстен против *прежнего* (курсив автора.— В. А.), для того, что у китайцев началась война с Никанским царством»²⁰. Попастъ в Енисейск из Китая эти торговцы скорее всего могли через северомонгольские степи, но не от Ямыша-озера. Обращает на себя внимание их свидетельство о том, что торг в Китае был для них отнюдь не новинкой.

Тем же путем ходили в Китай русские купцы и в дальнейшем. Так в 1678 г. приказчик в Селенгинске сын боярский Д. Строганов отпустил в Китай с торгом девять торговых и одного промышленного человека²¹.

О частых поездках русских торговцев в Китай до 1675 г. Спафарию сообщали в Пекине: «Все, кто был здесь из России с торгом после Байкова, Сеиткул, Тарутин и другие говорили, что с ними есть государева грамота, а после того, как пустили их в Китай, и с ними никаких грамот не оказалось»²².

Караванными путями через Северную Монголию пользовались и бухарские торговцы, приходившие в Томск и Красноярск. В ноябре 1684 г. под прикрытием конвоя при джунгарских дипломатических представителях впервые прибыл в Иркутск на 90 верблюдах большой бухарский караван, доставивший разнообразные китайские товары — камки, атласы, китайку, хлопчатую бумагу, чай, табак. В октябре 1685 г. в Иркутск пришел караван, состоявший уже из 130 верблюдов, а в ноябре 1686 г.— еще больший караван — на 172 верблюдах, предупредительно встреченный, как и пре-

¹⁵ С. В. Бахрушин. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае, стр. 228; К. В. Базилевич. В гостях у богдыхана, Л., 1927.

¹⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 254, лл. 43 об.—45.

¹⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. II, лл. 284—289.

¹⁸ Д. М. Лебедев. География в России XVII в., М.—Л., 1949, стр. 130, 131.

¹⁹ Н. Спафарий. Описание первые части вселенная, именуемой Азия, Казань, 1910, стр. 17—23.

²⁰ М. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 73 («Никанское царство». Южный Китай).

²¹ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 6, лл. 85—86.

²² Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, 1929, стр. 39.

дыдушие, русской администрацией. Навстречу бухарским караванам в Иркутск в 1686—1687 гг. съехалось настолько много всякого торгового люда, что в городе стало не хватать складских помещений. Наконец, в 1688 г. в Иркутск пришел четвертый бухарский караван²³.

До 1689 г., насколько известно, русские купцы не могли проезжать в Китай через Нерчинск. Но по сообщению того же Н. Спафария непосредственные приграничные торговые связи с китайцами были установлены на Амуре и у озера Далай.

Енисейский воевода князь Щербатов в 1684 г. сообщал, что русские торговые люди стараются в Даурии обменять меха на китайские ткани²⁴.

Даже в 1687/88 г., несмотря на военные действия между русскими войсками и отрядами некоторых монгольских тайшей и ханов в Забайкалье, китайские товары поступали в Селенгинск и Удинск, где с них было собрано десятой пошлины почти 1361 руб.²⁵

Из Забайкалья, Иркутска, Красноярска китайские товары попадали в Енисейск и далее в центральную часть России. Поступление их было настолько значительно, что по данным енисейского «списка с ценовых росписей», цена китайских тканей, имевшихся на местном рынке в широком ассортименте (камки лауданы, камки гайка, китайки добрая, средняя и малой руки, бархат, атлас гладкий), с 1649 г до 1687 г. снизилась от 25 до 62%²⁶. На Ирбитскую ярмарку русские и иноземные купцы также свозили из «низовых сибирских городов» китайские товары²⁷.

К 1670—1680 годам Восточная Сибирь особенно привлекала русских торговых людей. Среди постоянно наезжавших в Иркутск и даурские остроги торговых людей было немало лиц, впоследствии принявших самое активное участие в русско-китайской торговле. Прежде всего среди них необходимо отметить агентов крупного русского купеческого капитала — гостей С. Лузина, О. Филатьева, И. Ушакова, Г. Никитина. Представители этих гостей и другие купцы часто наезжали в Нерчинск и Албазин. Однако район между Нерчинском и Албазиным не был богат пушным зверем. По свидетельству даурских служилых людей между Албазиным и р. Горбицей, т. е. в районе, уступленном Китаю по Нерчинскому миру, значительных пушных промыслов никогда не бывало²⁸. По данным нерчинских таможенных книг, в 1692—1697 гг. соборы промышлялись в районе Нерчинска в весьма ограниченном размере²⁹. За два года, с июня 1684 г. по июнь 1686 г. из Нерчинска было вывезено в Енисейск пушнины всего лишь на 3383 руб.³⁰

Очевидно, что крупных торговых людей привлекали в Нерчинске не меха. Они учитывали возможности китайской торговли и внимательно следили за происходившими политическими событиями.

Действительно, весть о подготовке и заключении Нерчинского договора немедленно отразилась на сибирском грузообороте. Если ранее в Нерчинск шли различные товары ремесленного производства, а оттуда вывозилась в ограниченном количестве пушнина, то уже в 1689 г. партии сибирских мехов стали направляться в Нерчинск для вывоза за границу и обмена их на китайские ткани³¹.

Русское правительство уже в ноябре 1689 г. стало выдавать в Москве торговым людям проезжие грамоты в Китай. Не очень еще ориентируясь в пограничной обста-

²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1017, ч. 1, лл. 120, 142, 143; стб. 1052, ч. 1, л. 176; стб. 1067, лл. 206, 207; стб. 544, ч. 1, лл. 57 и след., 74—79; стб. 1016, лл. 117—120; Иркутская приказная изба, д. 84, лл. 15—17; д. 69, лл. 26, 27; д. 96, лл. 45, 46; д. 107, лл. 5, 6.

²⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, лл. 130, 131.

²⁵ Там же, стб. 1331, ч. 1, лл. 193, 194.

²⁶ Там же, кн. 254, лл. 43 об.—45, 88, 89.

²⁷ Там же, стб. 1100, л. 15.

²⁸ Там же, стб. 1212, л. 52.

²⁹ Там же, кн. 1012, лл. 15, 90—98; кн. 1037, лл. 149—155, 489—494; кн. 1224, лл. 206—213.

³⁰ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 16, лл. 1—19; д. 18, л. 24.

³¹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 141, лл. 31, 32; д. 170, лл. 84—88, 92—94,

новке, в одних грамотах оно указывало путь через Албазин, в других — через Селенгинск или оставляло за торговцами право выбора пути, смотря по обстоятельствам³².

Одновременно, в декабре 1689 г., из Нерчинска впервые вышел торговый караван, состоявший в основном из приказчиков гостей О. Филатьева, С. Лузина, И. Ушакова и Г. Никитина³³. Этот караван от Нерчинска прошел до Аргунского острога и далее к китайскому селу Науну, — путем, которым затем почти ежегодно стали пользоваться русские торговцы.

По известным нам проезжим грамотам уже в сентябре 1689 г. из Нерчинска — «на Русь» были отпущены агенты гостей С. Лузина и О. Филатьева и другие торговые люди, которые провезли значительное количество китайских товаров, приобретенных, вероятно, у наехавших в Нерчинск китайских представителей — 698 поставов камок большой и средней руки, 72 поставы атласу и т. п. Всего в 1689 г. в Нерчинске было собрано с ввезенных китайских товаров десятой пошлины на 1416 руб.³⁴.

Весьма показательно, что именно частный русский капитал проявил инициативу в развитии торговли с Китаем. Радея о прибыли казны, энергичный и деятельный иркутский воевода стольник Л. Кислянский тотчас после подписания договора запрашивал в Москве разрешения отправлять с торговыми бухарцами на китайскую границу «государеву мягкую рухлядь», собранную в Иркутске. Однако правительство только десять лет спустя, убедившись на опыте купечества в прибыльности китайской торговли, начало систематическую государственную торговлю с Китаем и вступило в борьбу с частной купеческой инициативой.

Нерчинский договор, подписанный в августе 1689 г., впервые создавал взаимно выгодные предпосылки к постоянным политическим и экономическим отношениям между обоими государствами и послужил базой, на которой строились русско-китайские отношения до середины XIX в. Ценой отказа от района Албазина русское правительство добилось согласия манчжурского правительства на систематические торговые взаимоотношения³⁵.

Сохранившаяся переписка между русскими восточносибирскими властями и манчжурскими сановниками, а также показания русских дипломатических агентов и купцов свидетельствуют о благожелательном отношении манчжурского правительства к русским торговцам. В ответ на письмо нерчинского воеводы Ф. Скрипицына (июнь 1691 г.) с просьбой содействовать русскому каравану в торгах, «чтоб царского величества и бугдыханова высочества купецкие люди на обе стороны повольным торгам радовались», «думный боярин» Сунготу сообщал об оказании торговым людям в виде исключения милостей, никогда ранее не дарованных богдыханом иноземным послам и купцам³⁶.

В результате русско-китайская торговля в короткий срок достигла такого развития, что уже в конце XVII в. представляла важный фактор внешнеторгового баланса России. Предпосылки этого были созданы еще до подписания Нерчинского мирного договора в основном в результате деятельности частного русского купечества.

³² ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 36, л. 66.

³³ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1063, лл. 169об.—178об.

³⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1182, л. 81; Иркутская приказная изба, д. 141, лл. 15—30; д. 169, лл. 1—2.

³⁵ ПСЗ, т. II, № 1346.

³⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, лл. 294—303, 347—358, 387, 388, 423, 424, 398—400, 487—493, 504—506; стб. 1155, лл. 10—20; Иркутская приказная изба, д. 36, лл. 89—97.

